

ПОДВОДЯ ИТОГИ ЖИЗНИ

Если человек собирается написать размышления подобного рода, то он должен сделать это в самом конце своей жизни, когда уже нельзя ожидать каких-либо новых значительных впечатлений или переживаний. В то же время нельзя это откладывать на слишком долго, когда размышления станут уже невозможны. Я благодарен судьбе за то, что она позволила мне осуществить моё намерение.

Как говорит нам антропософия, закончив свою земную жизнь, человек уносит с собой её духовный итог в мир духа, где, во время пребывания там, он, совместно с высшими духовными существами, работает над ним, готовясь к следующему воплощению на Земле. При нашем теперешнем уровне сознания, находясь на Земле, мы ничего не знаем об этом итоге. Но мы можем сделать нечто другое, с помощью нашего теперешнего сознания. Мы можем, в конце своей активной жизни, подвести ей итог и проанализировать её главные, с нашей точки зрения, результаты, будь это жизненный опыт, встречи, события, мысли, поступки, проблемы, брошенные нам вызовы, достижения, провалы, а также жизненные загадки и тупики.

Но в чём цель такого серьёзного замысла? И не включено ли всё настоящему духовно ценное во всём этом в вышеупомянутый духовный итог? Для меня лично это не одно и то же. Я, конечно же, не бросаю вызов духовно-физическому порядку нашего существования, организованного Высшими Силами. Я добавляю к нему нечто, что было рождено личной потребностью. Некоторые могут посчитать такой замысел наивным или же просто бесполезным, но для меня он является важным и ценным.

Моё намерение, в самых общих чертах, состоит в том, чтобы подвергнуть мой сознательный земной опыт духовной проверке сверхчувственным миром. Говоря упрощённо, я хотел бы принести в духовный мир ряд своих переживаний, мыслей и поступков с тем, чтобы узнать, были ли какие-либо из них ошибочны или упустил ли я что-либо важное. Как известно, человек рождается в определённую эпоху и в определённой среде для получения определённого опыта, который он не может получить в другое время или в иной среде. Смог ли я выполнить свою задачу? Я хотел узнать это, если такое вообще возможно, в дополнение к грандиозному кармическому построению Высших Сил, посредством своих собственных человеческих усилий, задав этот вопрос, пока я всё ещё на Земле.

Можно начать с самых простых вещей – с тех многочисленных ситуаций, в которые карма помещает человека: семейных, социальных, культурных, человеческих, географических, национальных, расовых, политических и т.д. Возьмём некоторые из них. Я родился евреем в России. Я испытал своё еврейство очень глубоко, и этот внутренний опыт неотделим для меня от двух таких разных явлений как антисемитизм и Государство Израиль. Моё восприятие русской культуры, русского языка и русскости как таковой также было сознательным и живым. Что касается моей английскости, в которую я был погружён в последние пятьдесят лет своей жизни, то здесь я должен быть особенно осторожен в своих оценках, но я чувствую глубокую благодарность за возможность получить этот уникальный опыт.

Получить опыт таких разных стран, обществ и образов мышления как Россия и Англия (или беря шире – Запад) является истинным даром, который я всегда считал таковым и неоценимым источником познания более широких вопросов нашего Времени. Неотделимым от этого является мой опыт познания Зла, которое я пишу здесь с заглавной буквы. Я делаю это не из-за боли и страданий, причинённых мне в результате встречи со Злом. Было бы святотатством даже упоминать что-либо личное в этой связи, принимая во

внимание участь миллионов моих несчастных современников. Но я решаюсь сказать, что моя жизнь и опыт позволили мне увидеть Зло лицом к лицу, понять его природу и узнавать его в его различных проявлениях. Главное из них – его конечная цель и конечная трагедия человечества – это разделение последнего на две расы, человеческую и нечеловеческую (нелюди), которое уже началось и которое становится всё более очевидным и угрожающим. Достаточно лишь отметить, как много в мире ненависти – и как мало любви. Или же, выражаясь более точно и при этом более тревожно: как много в мире *ощутимой* ненависти – и как мало *ощутимой* любви.

На противоположном полюсе жизненного опыта, в сфере общечеловеческого, моё открытие, или узнавание, антропософии я могу считать тем единственным событием, ради которого стоило родиться и жить. Был ли я сам достоин этого – сие должно быть оставлено исключительно на суждение Высших Сил. Но что меня волнует здесь больше всего – это не столько строгость высших оценок, которые, в конечном счете, могут быть только благотворны, сколько неспособность лучше использовать этот божественный дар, особенно когда прикладываешь сознательные усилия именно с этой целью. Относительно этого дара у меня было два совершенно различных переживания, которые, как это ни парадоксально, кажутся неотделимыми одно от другого. С одной стороны, мне ясно был виден тот тупик, в котором находится человечество, лишившее себя знания и понимания жизни, даваемых этим даром. С другой стороны, для меня становилось очевидным, всё снова и снова, что антропософское осознание происходящего в мире не ведёт автоматически к антропософскому решению выявленных проблем, вместо которого возникает соблазн прибегнуть к шаблонным решениям.

Мои собственные трудности касаются тех ситуаций, для которых я настойчиво искал как обычных, так и антропософских понимания и решений. Понимая или даже зная общее направление, в котором ситуация должна развиваться, я не мог найти или увидеть ни конкретных движущих сил, которые должны были способствовать этому, ни ростков или носителей ожидаемого развития. Здесь разговор будет идти не о ситуациях местного масштаба и ограниченного влияния, а о социально-культурно-политических событиях глобального значения.

*

*

*

Когда молодым человеком в Советском Союзе я осознал губительную природу коммунизма – как идеологии, так и действующей социально-государственной системы – я, как и те в моём окружении, кто разделял мои взгляды (как же немногочисленны они были!), пытался продумать, как его можно преодолеть или избавиться от него. Я лично пришёл к заключению, что данное явление, в его обоих проявлениях, не может быть побеждено извне, а может только изнутри. Как именно – я понятия не имел, и лишь много лет спустя, оглядываясь назад и после самого события, я смог засвидетельствовать не только то, что конец коммунизма (по крайней мере, в Советском Союзе) наступил именно таким образом, но и как он произошёл, шаг за шагом.

Выражаясь кратко, Советский коммунизм был уничтожен своими тремя выдающимися лидерами: Сталин убил его дух, Хрущёв – душу, а Горбачёв – тело. Но до всего этого те, для кого загнивание коммунизма было очевидным и его конец неизбежным, пытались заглянуть дальше в будущее. Я был одним из них, но как я ни старался, я не мог увидеть то лучшее, что должно было придти на смену ему и как оно могло придти. Зло и язвы коммунизма были настолько очевидны, что казалось достаточным убрать их, и добро немедленно заполнит вакуум. Но когда я пытался увидеть какие-либо конкретные черты этого будущего добра, я не мог прозреть их.

Не только это. Я не мог узреть строителей лучшего будущего даже среди тех нескольких отважных душ, кто открыто осуждал существующую систему, подвергая тем самым себя и свои семьи большому риску. В лучшем случае они рисковали своей работой и карьерой, а в худшем им грозила тюрьма, или лагерь, или психбольница или даже смерть. А что они надеялись достичь? Совершенно ничего, потому что эти несколько индивидуумов-одиночек не имели никакого влияния на тоталитарный режим и его покорное общество, где даже их голоса не были слышны. Они это прекрасно осознавали, что нашло юмористическое отражение в тосте, который они поднимали, когда иногда собирались за столом: "Выпьем за наше безнадежное дело!"

Так для чего они его делали? Потому что для них это было моральным долгом; без следования ему их жизнь теряла для них смысл. И это не было единственным прекрасным человеческим качеством, которым многие из них обладали. Но я не видел в них тех сознания и мышления, которые одни способны уберечь человека от попадания в жертвы различных идеологий и быть ведомым исключительно высшим духом, который живёт в каждом из нас.

Когда спустя какое-то время Советский режим рухнул, страна и её граждане пережили волнение нового существования, новой незнакомой свободы и ощущение неограниченных возможностей. Среди которых – реальная возможность для индивидуума найти свою истинную суть и стать ею и открыть новые непреходящие ценности, на которых построить жизнь, свою собственную и вокруг себя. Но ничего этого не произошло. Привычные сознание и мышление продолжали торжествовать со всеми вытекающими отсюда последствиями, которые явно ощутимы и сегодня. В то время я наблюдал всё это издали, из Англии. Прошло двадцать лет с тех пор, как я покинул страну, и теперь я не только больше не мог различать тонкости жизни и поведения людей там – я чувствовал, что не понимаю происходящего в стране.

Но эволюционная реальность не стояла на месте. Реальность и атмосфера перестройки, обновления вышли за пределы границ Советского Союза, когда в 1989 году Советский Блок восточноевропейских стран начал разваливаться, и миллионы людей ощутили новый дух свободы. Для них, и для многих других в Европе и во всём мире, это было время истинного энтузиазма и надежд. Надежд на мир и стабильность, на жизнь без страха и вражды, на международные отношения, основанные на сотрудничестве и доверии.

В то время меня пригласили в Эмерсон-колледж в Форест Роу в Англии, где я жил, выступить перед выпускниками Вальдорфских школ Великобритании на их традиционной ежегодной встрече. Среди прочего, я сказал им следующее: Ваше личное вступление в новую жизнь, в новый мир, полный неизвестного, неожиданного, волнительного, полный надежд и возможностей, совпало с историческим событием, когда миллионы людей в разных странах тоже вступают в новую стадию своей жизни. Вы стали частью этого события и начатого им процесса. Пожалуйста, осознайте это в полной мере, и, идя по жизни своим собственным путём, не упускайте из вида этот исторический процесс. Ваша личная судьба даже может сделать вас его частью, но в любом случае сознательно следите за ним и старайтесь понять, почему он сделал тот или иной поворот или принял то или иное направление и следите за его последствиями по мере их проявления даже через десять, или двадцать или больше лет.

Как бы мы ни оценивали эти последствия сегодня, один результат очевиден и бесспорен – политический: те восточноевропейские страны стали частью Европы, частью Европейского Союза, частью Западного мира. И это подводит меня к тому, что я хочу сказать здесь, в контексте 'подведения итогов', о моём личном опыте жизни в этом мире в той мере, в каком он был дан мне.

*

*

*

Ирония ситуации, если это можно так назвать, заключается в том, что мои намерения и причины, по которым я уехал из Советского Союза, были жить в Израиле, а не где-то ещё в Западном мире. Но судьба распорядилась иначе, и работа сейчас над данным материалом совпала с семейным юбилеем – нашим прибытием в Великобританию из СССР пятьдесят лет назад. Так что я прожил в стране своего нового обитания дольше, чем в стране своего рождения – на пятнадцать лет. Сделало ли это мой новый жизненный опыт более глубоким и мудрым и более 'надёжным'? Об этом можно говорить лишь в плане личного развития, а не прожитых лет. Что же касается культуры, истории, языка, традиции и ряда других подобных категорий, то я никогда не чувствовал себя англичанином и никогда не считал свою английскость равной коренной.

Для меня это очевидно на примере такого истинно британского явления как Королевская Семья, особого британского института, который, приехав в страну, я воспринял как неотъемлемую часть британской жизни. Я был удивлён, когда впервые столкнулся с сильным негативным отношением к ней и даже ясно увидел целенаправленные усилия на то, чтобы разрушить этот институт или, по крайней мере, изменить его место и роль. Мне также было ясно, что в этом вопросе было нечто, чего я не знал или не понимал. Со временем у меня прибавилось знаний и понимания и появилось собственное отношение к Королевской Семье, но суть для меня заключается в следующем: если бы был объявлен референдум по вопросу о том, упразднить или сохранить Королевскую Семью, я бы не чувствовал себя достаточно 'компетентным', с точки зрения своей английскости, для того, чтобы принять в нём участие.

Что касается моего личного жизненного опыта за последние пятьдесят лет, то правильней было бы считать его в, а не о Западном мире. Не только из-за его ограниченного диапазона, но и потому, что он также включает и отражает мои жизненные интересы независимо от географии – евреи и Израиль и антропософы и антропософия. Я поговорю о них позже, а сейчас должна быть очередь того опыта, который был определён географией – моим местожительством.

Нет ничего необычного в том, если люди, в предвкушении новой жизни, связывают с ней свои надежды, ожидания, желания и даже мечты, а потом, столкнувшись с реальностью, разочаровываются. Но в моём случае обратное имело место. Прежде всего, у меня не было никаких подобных предварительных ожиданий, но когда, совершенно неожиданно для себя, я оказался жителем Англии, я был в восторге практически от каждого аспекта жизни, особенно в сравнении с Советским Союзом. Но некоторые события – я не хочу обобщать, называя их аспектами или явлениями – удивили меня, оказавшись противоположными моим ожиданиям.

Когда я стал университетским лектором, то благодаря своим студентам я стал свидетелем, впервые на Западе, некоторых политических действий. Одним было какое-то политическое мероприятие, которое они организовали и призывали своих однокурсников принять в нём участие. Я не помню сейчас подробностей, но хорошо помню главное содержание листовки, которую они раздавали: Не бойтесь полиции – они не смогут ничего нам сделать или арестовать нас ввиду нашей многочисленности. 'Смелость' их убеждений была бы забавной, если бы не была такой жалкой, особенно по сравнению с их современниками за Железным Занавесом, которые отваживались выражать свои взгляды публично.

Другое событие я посетил лично, потому что для меня это было первой в жизни возможностью услышать приглашённого оратора, выражающего публично свою позицию перед смешанной аудиторией различных взглядов. Однако, как только он начал говорить, группа студентов – моих студентов! – начала кричать, шуметь и делать другие вещи, не позволявшие оратору произнести ни слова. Он сделал несколько попыток говорить, с помощью тех, кто пригласил его, но безуспешно. Он вынужден был уйти, и собрание закончилось. Когда я спросил студентов, почему они это сделали, они ответили, что знали взгляды оратора,

которые им не нравились и которые они не хотели слышать. Но когда я отметил, что на встрече были другие люди (включая меня!), которые хотели слушать оратора, это не произвело на них никакого впечатления. Но не было бы лучше, настаивал я, дать ему возможность высказать свои взгляды и потом опровергнуть их публично, прямо на месте, эффективно и цивилизованно? Это их тоже не интересовало. У них была власть – физическая! – остановить оратора, и безнаказанно использовать эту власть было самым главным для них.

Меня поразило сходство двух систем – советской диктатуры и западной демократии, – продемонстрированное данным событием: возможность де-факто подавить свободу слова и сделать это с помощью силы. То были молодые люди, только вступающие в жизнь и всё ещё проходившие процесс формального обучения. Где и как выучили они эти напористые политические методы и самоуверенность, которая пришла вместе с ними? Но позже я открыл для себя, что такое отношение, такие образ мышления и поведение, которые я считаю в высшей степени 'неанглийскими', т.е. навязывание силой своей воли другим, являются установившейся нормой и частью общественной жизни, практикующимися в её различных сферах. Я говорил об их специфическом проявлении в форме забастовки в своей статье **Конформист, диссидент, террорист – индивидуум в современном обществе**. Но как общий принцип, этот тип поведения кажется даже довольно просвещённым людям вполне приемлемым в качестве инструмента в самых благородных социальных и культурных кампаниях, если он служит целям своих протагонистов.

То, что один из самых жестоких и бесчеловечных принципов советской жизни, "цель оправдывает средства", широко применим в Великобритании в различных сферах общественной жизни, кажется невероятным. А между тем это факт. О чём это нам говорит? Я знаю, о чём, вместе с другими подобными фактами, это говорит мне. В течение многих лет я был свидетелем всё увеличивавшегося числа примеров того, когда невозможно было отличить мышление, отношение и поведение людей в Советском Союзе и в этой стране.

Но гражданам последней не нужны опыт жизни в этих двух разных мирах и примеры их поразительного сходства для того, чтобы увидеть неадекватность мышления и системы, которые управляют их страной. Оставляя в стороне пандемию, давайте рассмотрим некоторые недавние и самые известные события – референдум по брекситу и его осуществление парламентом. Чему больше может соответствовать термин 'демократический', чем народный форум – и что может быть наименее неподходящим для использования его в таком многостороннем и сложном вопросе, как присоединение к Европейскому Союзу или выход из него? Рядовые граждане могут руководствоваться только инстинктом и так называемые эксперты – своими специализированными и ограниченными знаниями, а все они – своими идеологическими предубеждениями. Члены парламента, которые были избраны для того, чтобы вести страну, оказались в ещё худшей ситуации, в которой их личные интересы и взгляды вступили в противоречие с их общественными обязанностями. При этом парламентская процедура, оказавшаяся в данном случае неадекватной, вынудила некоторых из них поступать неправильно, исходя из правильных побуждений, а других – поступать правильно, исходя из неправильных побуждений. Весь этот процесс сопровождался громогласной и такой знакомой попыткой навязать другим свою волю, выраженной теперь в новом требовании – повторить референдум, снова и снова в случае необходимости, пока **МЫ** не получим того, чего **МЫ** хотим.

В своей совокупности все эти и другие подобные примеры говорят нам о двух главных вещах. Первое, что эта страна не следует больше тем самым принципам, на которых были основаны её демократические убеждения и институты. И второе, что те принципы, которые стране удалось сохранить и которые всё ещё являются похвальными и действенными, уже неспособны, сами

по себе, справляться со сложностями современной жизни. (Пожалуйста, примите во внимание, что здесь не идёт речь о повседневном уровне жизни, каждый аспект которой приходит в упадок – ценности, манеры, обслуживание и т.д.) Это не ограничивается, естественно, Великобританией, а охватывает весь Западный мир и ведёт к его постепенному распаду. Это вторая дезинтеграция общества, свидетелем которой я был в своей жизни, и здесь, как и в Советском Союзе много лет назад, я не вижу или не распознаю тех сил (или их потенциальных носителей, за исключением отдельных индивидуумов), которые способны не остановить или развернуть процесс дезинтеграции – сделать это невозможно, – а которые несут в себе потенциал обновления, возрождения, восстановления. Которые способны создать нечто новое и социально здоровое – полное обновление культуры.

*

*

*

До сих пор я говорил о своём опыте, трудностях и проблемах, вызванных двумя мирами, в которых мне выпало жить в качестве гражданина и сознательного индивидуума. Но существуют два других мира, которые всё это время, наоборот, жили во мне, также как в сознательном индивидууме. В этом качестве я также жил в них, хотя этой жизни трудно дать определение. Я упоминал их ранее – это еврейский и антропософский миры. И теперь я хочу поговорить об опыте, трудностях и проблемах, которые у меня были в связи с ними. Эти переживания являются более личными, индивидуальными и субъективными по сравнению с другими, хотя вызвавшие их вопросы касаются не только большинства их обитателей, евреев и антропософов, но выходят далеко за пределы этих двух миров.

В отличие от моего нового географического пребывания, относительно которого у меня не было никаких предварительных ожиданий того или иного характера, относительно двух других миров у меня было нечто более опасное – у меня были идеалы. Как хорошо известно, идеалы очень трудно примирить с реальностью, особенно если они возникли до встречи с реальностью, которой они должны соответствовать. Были ли мои идеалы осуществимы и связанные с ними ожидания оправданы – я могу только сказать по этому поводу, что сейчас, спустя много лет, я всё ещё сохраняю большинство из них. Как бы то ни было, факт остаётся фактом: когда, после фактической встречи, я не находил того, что ожидал найти, я был очень разочарован и в ряде случаев испытывал глубокую боль. Хотя моя встреча с проявлениями и явлениями обоих миров на Западе произошла практически одновременно, я начну с еврейского мира.

*

*

*

Несколько лет, последовавшие после Шестидневной войны были, пожалуй, единственным периодом в долгой истории еврейского народа, когда он оказался у мира 'в фаворе' – не у всего мира, не у большей его части, даже не у очень большой, – но он снискал широкое одобрение и поддержку, как общественную, так и индивидуальную. Именно в это время я покинул Советский Союз и мог лично пережить эту 'ненормальность' по прибытии на Запад.

Для того, чтобы читателю были лучше понятны некоторые из моих сантиментов, связанных с этой моей встречей, потребуются небольшие пояснения. Я приехал из Советского Союза на Запад – сначала в Англию, а затем через два месяца присоединился к своей семье в Израиле – не в качестве иммигранта наслаждаться новой и лучшей жизнью. Моя остановка в Англии по дороге в Израиль была намеренной и имела 'рабочую повестку дня'. В Советском Союзе я принимал активное участие в борьбе советских евреев за выезд в Израиль и в некоторых других аспектах борьбы за права человека. Поэтому различные группы и индивидуумы, мои 'товарищи по оружию', попросили меня

поехать сначала в Англию и встретиться с теми, кого волновал вопрос прав человека в Советском Союзе и кто активно помогал жертвам их нарушения.

В процессе выполнения этой просьбы у меня было много встреч – с обычными и с известными людьми, с общественными деятелями и официальными лицами, с членами парламента и общественных организаций. Это были публичные и личные встречи, на которых обсуждались как общая ситуация, так и ряд конкретных вопросов. Последние были особенно важны, поскольку они касались как тех в Советском Союзе, кто срочно нуждался в помощи, так и ряда конкретных действий со стороны сочувствовавших им и официальных лиц на Западе. С моей стороны, в большинстве случаев это были призывы и просьбы, но в некоторых случаях я должен был проявить некоторую настойчивость. Как это произошло?

Эти случаи касались только советских евреев, когда я часто выступал в роли советника или даже посредника, представителя или посланника. Это часто вызывало необходимость говорить конкретно и решительно: "Если вы действительно хотите помочь тем, кто находится там, тогда то, что вы делаете сейчас, должно делаться лучше и по-другому" – и за этим следовал подробный совет, касающийся конкретного человека или ситуации. То же самое имело место и по отношению к деятельным евреям и официальным лицам других стран и особенно в Израиле, когда я там оказался.

Но в Израиле объём моей деятельности расширился – он включал теперь также советских евреев, которые уже находились в стране, то есть их абсорбцию. Благодаря знанию английского, я оказался вовлечён, в качестве переводчика, посредника и советчика, во многие ситуации, в которых новые иммигранты оказывались в беспомощном положении, а администрация центров абсорбции или других организаций была не в состоянии помочь им. Со временем мне стало ясно, что, парадоксальным образом, в двух важнейших сферах, в помощи советским евреям в их борьбе за выезд в Израиль и затем в наиболее безболезненному устройстве в стране (как я вскоре узнал, малоприятную 'жесткость' этого процесса испытали на себе и иммигранты из богатых западных стран), в этих двух сферах деятельность израильских властей оказалась далеко не адекватной. (Здесь не место углубляться в причины этого или в сами эти вопросы.)

Другой очень важной сферой моих интересов в то время было само израильское руководство, его роль и деятельность не только в вышеупомянутых вопросах, но в общем и перспективном водительство страны, его видение её будущего и будущего нашего народа как нации и самое главное – как все эти факторы превращаются в конкретные ежедневные дела. Я знал, конечно, что на израильском правительстве лежит гигантская задача по управлению страной в тяжелейших условиях – возможно, в самых сложных по сравнению со всеми другими правительствами. Но вместе с тем у меня были вышеназванные 'идеалы', согласно которым израильское правительство не могло быть подобно другим. У него тоже должны быть 'идеалы' или, по крайней мере, 'принципы', которыми оно должно руководствоваться при управлении страной. Они должны включать духовные и моральные ценности в той степени, чтобы фраза 'моральная политика' перестала считаться пресловутым 'противоречием в терминах' в этом случае.

Эта тема тоже не может подробно обсуждаться на этих страницах. Как и другие до сих пор, она была упомянута здесь как часть моих переживаний того времени. Возможно, не самых радостных, и в последующие годы на смену им пришли другие переживания, соображения и вопросы, связанные с Израилем и еврейским народом. Более конкретно, они выливаются в три темы: судьба еврейского народа, настоящее и будущее Государства Израиль и антисемитизм. И в этом случае ни одна из них не будет обсуждаться здесь, тем более, что о первых двух я говорю в статье **О социальной трёхчленности**. Её название

указывает на предложения, благодаря которым могут быть решены текущие социально-политико-экономические проблемы не только в Израиле, но также в России и на Западе. Этому потенциальному решению уже свыше ста лет, но человечество пока оказалось невосприимчивым к нему.

Что касается третьей темы, антисемитизма, как явление он мучил человечество так долго и о нём писали в таком количестве и разнообразии, что представляется невозможным добавить к этой теме хоть один слог, который сказал бы что-то новое. Однако, это явление обладает неким таинственным и вечным свойством обновления, снова и снова, – и как проявление, и как реакция на него. Так что в этом смысле антисемитизм всегда нов для каждого индивидуума, в любое время. О своём восприятии его в Советском Союзе я сказал достаточно в статье **Из России в Израиль: личный опыт**. Сказать здесь о том, что я думаю о нём сейчас, так же невозможно, как говорить подробно по другим темам. Единственное, что я могу сделать в данном случае, это сказать о тех аспектах этой темы, которые я считаю важными и о которых я бы написал подробнее в специальной статье.

Как я упомянул ранее, мой приезд на Запад совпал с благоприятным отношением к евреям и к Израилю, которое я лично наблюдал и как общественное явление, и в личных встречах. Спад антисемитизма был частью моих наблюдений. Я помню это очень хорошо не только потому, что придавал этому большое значение, но и потому, что обсуждал это в то время с некоторыми друзьями, которые были гораздо менее оптимистичней меня. Я представлял им мои доводы, подкреплённые конкретными примерами, взятыми из средств массовой информации и из других источников. Один пример был для меня и удивителен, и символичен. В случайном разговоре с одной моей студенткой я обнаружил, что она никогда не слышала слова 'антисемитизм'. Даже после моего объяснения она не могла понять его смысл. Конечно же она знала о евреях и даже имела друзей-евреев, но это ей никак не помогло – как можно ненавидеть других людей или просто питать по отношению к ним негативные чувства только потому, что они чем-то отличаются от тебя? Узнав её ближе, я увидел, что за этим редким качеством стоит чистота души. Но я увидел в этом также нечто другое. Не является ли это естественным, что когда какое-либо явление исчезает из жизни человечества, то и его название тоже должно испариться из его языка и памяти?

К сожалению, с моей стороны это было лишь принятием желаемого за действительное, хотя оно было основано на фактах и не продолжалось очень долго. Но даже если моё восприятие было правильным на тот период времени, человечество вскорости 'опомнилось' и вернулось к своей старой миллионлетней практике и отношению к евреям, что ставит, в который уже раз, один и тот же вопрос об антисемитизме – не "Почему он существует?", а "Что это такое?"

Существует много определений антисемитизма, включая так называемое 'рабочее', которое в настоящее время является международным, принятым различными странами и организациями, включая еврейские. Моё основное неудовлетворение ими состоит в том, что по большей части это определения не столько антисемитизма как такового, сколько его проявлений. Поэтому моей целью было придти к определению антисемитизма путём *наблюдения* его проявлений, их анализа и попытки найти тот общий и коренной, но не обязательно явный, элемент, ответственный за все эти проявления. Я упомяну здесь некоторые из них.

Я должен сказать с самого начала, что лично испытал на себе или был свидетелем очень немногих случаев проявления физических форм антисемитизма, во всяком случае, ничего, сравнимого с тем, о чём можно прочитать в документальных свидетельствах этого явления, кульминацией которого был Холокост. Но я считаю свой словесный опыт достаточно широким

для того, чтобы обобщить и подытожить его как имеющим дело с одним явлением, исходящим из одного источника. Говоря о разнообразии, я не имею в виду лексику, которая использовалась для выражения антисемитизма. В некоторых случаях он мог быть практически бессловесным. Или же в одном случае только одно слово было использовано, но и оно было еле слышно. Это было похоже на приступ эпилепсии, когда человек казался во власти бессознательных и непреодолимых конвульсий, произнося с неконтролируемыми частотой и упорством: "Не-на-ви-жу! Не-на-ви-жу!! Не-на-ви-жу!!!"

Но другие открытые ненавистники евреев, с которыми мне приходилось сталкиваться, умели контролировать свои эмоции, не лишая себя при этом удовольствия выражать их полностью, пространно и разнообразно, насколько позволял им их интеллект. На другом полюсе шкалы эмоции, казалось, полностью отсутствовали, да и слов было немного, но одно имело первостепенное значение – еврей. Оно всегда присутствовало, в подсознании, даже если не являлось темой разговора. Я однажды встретил в Париже русского эмигранта постреволюционных времён. Это была наша единственная встреча, во время которой разговор, без всякой связи, переходил с одной темы на другую. Как только в процессе нашего разговора я упоминал кого-то, за этим немедленно следовал его вопрос: "Он еврей?" Он ни разу не отреагировал на мои ответы, какими бы они ни были; казалось, он даже не слушал их или не интересовался ими, но необходимость знать о каждом человеке, является ли он евреем или нет, стала, очевидно, в какой-то момент его жизни настолько сильной, что очень глубоко вошла в его существо и теперь лежала там мёртвым грузом, бесполезным и даже незамечаемым.

Это было, конечно, исключением, но только в проявлении, а не в сути. А суть, в этом и подобных случаях, заключается вот в чём: осознание присутствия евреев в мире и обеспокоенность этим – некая 'юдо-озабоченность'. Она не обязательно находит выражение в отрывом негативном отношении к ним. Внешне это может проявляться в вполне невинной, даже юмористической форме. Я однажды имел возможность наблюдать в течение какого-то времени человека, который, подобно моему парижскому знакомому, был озабочен еврейской темой, но в более стойкой форме, не упуская ни единого случая, чтобы не упомянуть её, даже если для этого не было никакого повода. Вот один пример. В каждой культуре есть поговорки, которые, ссылаясь на своих сограждан коллективно, используют общеупотребительные имена. Как, например, "каждый Том, Дик и Гарри" в Англии. То же самое имеет место в России, где используются три самые популярные фамилии: Иванов, Петров, Сидоров. И вот когда однажды они были названы в каком-то разговоре, в котором тот человек принимал участие, его реакция была немедленной: "Почему всегда эти три имени? Почему не Абрамович, Рабинович, Хаймович?" Что же делает этих людей настолько одержимыми темой евреев, что они не могут оставить её в покое?

В Англии у меня был только один личный антисемитский инцидент, довольно необычный. У меня возникла проблема с оконной рамой, и я позвонил в компанию, которая её установила. Я объяснил сотруднику компании суть проблемы, и он сказал, что компания может устранить её и указал стоимость работы. Затем он сказал, на одном дыхании и даже не дожидаясь моего ответа: "Судя по вашему акценту, вы еврей, а евреи не любят расставаться с деньгами". Сказать, что я был шокирован и ошеломлён, значит – ничего не сказать. Если это высказывание не было намеренным оскорблением в адрес совершенно незнакомого человека, то оно – самое невероятное, что можно услышать в этой стране. Не говоря уже о том, что оно исходило от официально лица компании по отношению к её заказчику.

Самым поразительным было то, что сам сотрудник не думал, что говорит что-то предосудительное или необычное. Его тон был так обычен и прозаичен, как будто он говорил о каком-то незначительном и хорошо известном факте – как

о погоде. Не зная человека лично, трудно знать, каким образом он приобрёл одно из стандартных антисемитских представлений о евреях – "евреи жадные, они воняют и т.п." – и как глубоко оно проникло в него. Но поразительным было то, что он, казалось, понятия не имел о том факте, что оскорбляет другого человека, который был при этом его заказчиком и которого он может потерять вместе с его заказом, и что, наконец, его слова наказуемы по закону и за них его могут отдать под суд и уволить с работы. Знал ли он вообще, что такое антисемитизм? Казалось, что он был так же антисемитски наивен, как моя студентка, только находился на противоположном полюсе.

Я могу упомянуть и другие примеры проявления антисемитизма, но главным для меня является то, что я нашёл тот общий и основной элемент, который всех их вызвал к жизни. Я выявил, что он душевного свойства, но только нездоровый – это заболевание, душевное заболевание, патологическое состояние души. Как любая болезнь, она воздействует на людей по-разному, и эта болезнь является, с моей точки зрения, истинной природой антисемитизма.

Что касается происхождения антисемитизма как социального явления, это не является моей темой в данном случае. Для меня вполне приемлемо его происхождение, вошедшее в поговорку: 'антисемитизм появился раньше евреев'. Меня беспокоит его индивидуальное воплощение. В этом отношении не имеет значения, как или когда он поразил человека – родился ли человек с предрасположением к антисемитизму или же приобрёл его после рождения. Первым симптомом является тот момент, когда индивидуум осознаёт смысл слова 'еврей' и реагирует на него негативно. Эта негативность может быть очень мягкой, как неудобство, беспокойство или раздражение, или же она может принять очень агрессивные формы, которые хорошо известны каждому.

Появление различных определений антисемитизма отразило изменение по отношению к нему в мире – его публичные проявления не могут больше допускаться. К сожалению, в этом проявилось не чистосердечное изменение общественной совести, а лишь взвешенное изменение общественного мнения. Но как бы то ни было, в результате этого внешнее проявление антисемитизма, словом или делом, считается во многих странах (но не во всех!) преступлением, наказуемым по закону. Для этого и необходимо 'рабочее' определение. Однако, даже большинство из тех, кто по-настоящему озабочен существованием антисемитизма, удовлетворено его сдерживанием и не стремится к его ликвидации. В любом случае, последнее, совершенно неосуществимое в настоящее время, потребует, прежде всего, всеобщего признания истинной природы антисемитизма, что маловероятно. Большинство людей предпочитает приписывать его невежеству или каким-либо неблагоприятным внешним условиям или влияниям – точно так же, как в случае других социальных зол. И, соответственно, те же общепринятые исправительные средства должны быть использованы, особенно образование. Пока же, юридические меры, закон, должны применяться против внешних проявлений антисемитизма.

Что же касается негибких антисемитов западного мира (я не знаю, что происходит в этом отношении в других частях света), вышеназванные изменения значительно ограничили их возможности и желания наносить вред евреям. Но чтобы получить возможность делать это 'легально', они были с лихвой вознаграждены появлением Государства Израиль в качестве замены евреев. Они используют любую причину и предлог, чтобы нападать, причинять вред, обвинять, оскорблять и бесчестить еврейское государство, делая это таким образом и используя такой язык, которые не имеют прецедентов и аналогов в отношении других стран мира. И они отчаянно борются за свои права делать это под прикрытием свободы слова и открытой политической дискуссии. А некоторые из них – не только индивидуумы, но также организации и даже государства, члены ООН! – идут ещё дальше: они призывают к уничтожению еврейской нации и еврейского государства, призывают к физическому нападению на евреев и

осуществляют его сами. Безнаказанность, с которой они делают это, вызывает порой вопрос: а был ли на самом деле Холокост?

Как это ни парадоксально, во многих случаях они находят поддержку среди тех, кто предположительно должен был быть их жертвами – от евреев, у которых общий с ними объект для атак: Государство Израиль, или его правительство, или его политика. Все они являются вполне законными объектами критики кем бы то ни было и где бы то ни было, в Израиле или за его пределами. Но почему желание или необходимость критиковать их становится пронизанной ненавистью и использует вдохновляемые ею методы? Даже при наличии всевозможных недостатков, несовершенств и изъянов, почему некоторые евреи и израильтяне ненавидят еврейскую нацию и Израиль до такой степени, что вступают в союз с отъявленными антисемитами, чтобы публично клеймить свои собственные народ и родину самым непотребным образом?

В этом случае я также говорю на основании личного опыта. В течение многих лет у меня был друг-израильтянин, который жил в Англии, где мы познакомились и подружились. Нам как-то не пришлось говорить о том, почему мы не живём в Израиле. В этом не было ничего необычного, поскольку тысячи израильтян жили за границей. Не говорили мы также особенно о ситуации там – у нас были другие темы для разговора и вопросы для обсуждений. Только в последние годы он стал упоминать Израиль, всегда в осуждающих тонах, и отсылал меня к различным авторам и материалам, которые настойчиво советовал прочитать. Я был знаком с тематикой, о которой он говорил, но был удивлён и даже поражён тем, как он говорил о стране и её людях. Я не могу назвать это иначе, как ненависть. Он родился, вырос, воспитывался, получил образование и многие годы жил в Израиле, где у него была большая семья, с которой он всё это время поддерживал отношения. Он также служил в армии, защищая свою страну.

Я знал его как честного и открытого человека, но в том, как он критиковал Израиль, были явные предвзятость и нетерпимость. Даже когда его критика или даже гнев по поводу того, что происходило в Израиле, были оправданы, было поразительно наблюдать то удовольствие, которое он, казалось, испытывал при любой возможности критиковать и оскорблять Израиль. Но потом он поразил меня ещё больше. Я всегда хотел понять палестинцев, чьи интересы он сейчас защищал, и однажды купил книжку "По утрам в Дженине", написанную палестинской женщиной о её опыте жизни под израильской оккупацией. Книжка, по моему мнению, была очень предвзятой по отношению к израильтянам, и некоторые эпизоды, особенно касавшиеся израильской армии, были просто невероятны. Я решил послать книжку своему израильскому другу с рядом конкретных вопросов относительно этих эпизодов, на которые он был компетентен ответить, как никто другой. Его ответ пришёл незамедлительно. Он был в восторге от книжки и тут же порекомендовал её своим друзьям. Что же касается моих вопросов – он не ответил ни на один из них, даже после моих неоднократных напоминаний.

Я был знаком с еврейскими антисемитами и антиизраильскими израильтянами и раньше, но этот мой израильский друг олицетворял для меня тех многочисленных евреев по всему миру, которые, найдя недостатки в своём народе или его стране, чувствуют не боль и желание улучшить их или помочь им, а скорее радость от их публичного осуждения.

Я хотел бы завершить это краткое изложение своего еврейского мира новыми вопросами, направленными непосредственно Богу. Пожалуйста, хоть как-то подскажи нам, почему мы, евреи, Твой народ, всё ещё здесь. Почему, после выполнения нами своей миссии или даже миссий тысячи лет назад, Ты не разрешил нам уйти из мировой истории, как ты позволил в таких случаях другим народам? Почему Ты держал нас так долго в таких ужасных условиях, как будто Ты хотел научить нас чему-то? Чему? Почему в конце этого мы должны были

испытать – что это было: наказание, ещё один урок? – то, что мы назвали Холокостом, самое худшее, что один человек может сделать другому? Чему он должен был научить нас или чему мы должны были научиться благодаря ему? Или, возможно, другие должны были научиться чему-то? Теперь, после всего этого, ты дал нам дом – часть того дома, который Ты дал нам первоначально. Но почему Ты дал нам его таким образом, что мир, который преследовал нас так долго, не разрешает нам в полной мере назвать его своим, что соседи ненавидят нас, и мы вынуждены жить в условиях непрекращающейся войны? Почему Ты разрешаешь такой разгул антисемитизма – теперь, во всём мире? И если у нас не хватает ума – или мудрости – понять всё это, как мы можем выполнить то, что Ты всё ещё ожидаешь от нас?

*

*

*

И, наконец, мой антропософский мир. Содержание этого раздела, как и остальных трёх миров, в основном то же: нерешённые проблемы и неотвеченные вопросы, в моём восприятии. Они были, конечно, частью содержания моих других антропософских работ, но здесь они сведены в некое целое.

Антропософский мир не только самый молодой из моих четырёх миров, но он очень молод сам по себе. Его духовная история насчитывает миллионы лет, а физическая слишком коротка, чтобы иметь возможность полностью развиться, пройти через различные стадии, взлёты и падения, развить собственные тенденции, выявить свои неудачи и достижения и обозначить своё чёткое историческое направление. В краткосрочной перспективе всё это может быть найдено даже в немногих годах его существования. Но, по сути, каждый антропософ каждого поколения является разработчиком и носителем всех этих аспектов, поэтому ему нелегко отступить назад, посмотреть на происходящее объективно и дать этому историческую оценку. По крайней мере, не в той степени, в какой это можно сделать в отношении остальных трёх миров. Поэтому, чтобы не потеряться в неустановившемся потоке антропософских событий, приходится прибегать к панорамной картине, данной Штайнером.

Но я начну с моих личных 'проблем и вопросов'. На первом месте здесь должно стоять моё нечленство в Антропософском Обществе. Почему я решил не вступать в него с самого начала, даже не зная его и ничего не зная о нём? Вместе с тем, я считал его в то время центром антропософии, и прошло много лет, прежде чем я обнаружил духовную ложь, проникшую в него после смерти Штайнера. Более того, я возвращался к своему первоначальному решению о нечленстве несколько раз в течение последующих лет, подвергая его сомнению, но каждый раз соглашался с ним. Я перебираю свою память тех прошлых лет и могу найти только один эпизод – я даже не могу назвать его событием, – который мог послужить моей первоначальной причиной. Но мог ли он быть настолько значительным, чтобы стать решающим фактором в моей судьбе? Вот этот эпизод.

Можно сказать, что после отъезда из Советского Союза у меня было две встречи с антропософами, индивидуальные и групповые, с разрывом в несколько месяцев – в Израиле и в Англии. Какими различными они были! Первая была радушной, личной, тёплой, с распростёртыми объятиями. В Англии у меня тоже были личные встречи, в начале и в последующие годы, которые превратились в многолетнюю дружбу. Но у меня также была одна 'коллективная' встреча – 'эпизод'. Вскоре после моего прибытия в страну я получил письмо, в котором говорилось, что правление Антропософского общества в Великобритании хотело бы пригласить меня, чтобы услышать, что у меня есть рассказать им 'о Солженицыне'!

Я хочу напомнить читателю, что это был 1971 год, когда средства массовой информации на Западе ежедневно сообщали о борьбе советских евреев и других

диссидентов за права человека, когда политические и общественные деятели в разных странах поднимали свой голос в их защиту и многие организации, уже существовавшие или специально созданные с этой целью, пропагандировали и поддерживали их борьбу, мобилизуя людей на Западе им в помощь. В то время я был единственным бывшим советским евреем и диссидентом, которому было разрешено приехать в Англию. Конечно, всё это могло ничего не значить для британских антропософов, которые были 'вне политики'. Но я был также единственным советским антропософом за пределами Железного Занавеса, жившим теперь в их собственной стране и городе, и при этом, как человек и индивидуум, в каком бы то ни было качестве, я не представлял никакого интереса для руководителей Антропософского общества. При всей занятости моей жизни, полной новыми впечатлениями, событиями, встречами и мыслями, этот 'эпизод' выделялся в то время, как нечто негативное и безличное. Но мой вопрос теперь касается исключительно меня самого: было ли моё решение не вступать в Антропософское общество кармически правильным?

Мой следующий личный вопрос может быть сформулирован так: где мой духовный поток с близким мне спутниками? Он не относится, разумеется, к антропософии, потоку, содержанию и направлению всей моей жизни, внутри которого я окружён многими братьями и сёстрами по духу. И я также не имею в виду два главных потока внутри Антропософского Движения, названные Штайнером: Аристотелевский и Платонический. Руководствуясь его описанием, антропософ может предположительно установить свою принадлежность к одному из них, если это поможет ему в его исканиях. В любом случае, мой вопрос не относится к ним. То, что я ищу, может вообще не существовать, кроме как в моём воображении. Но если этот поток существует, он может быть не внутри Антропософского Движения или быть частью чего-либо, а существовать как независимый феномен.

Мой вопрос был вызван отчаянием, одиночеством, неправильным пониманием или полным непониманием со стороны антропософов или других людей. Я ясно видел, что те или иные индивидуумы вокруг меня 'принадлежат к одному и тому же потоку', т.е. сразу же находят взаимопонимание и мыслят одинаково. В этом и заключается суть: не одинаковость взглядов, идей или мыслей, но тот же или похожий *образ мышления*. Конечно другой образ мышления ведёт к другому пониманию и в конечном счёте к другим мыслям, но в этой цепочке мышление всегда является для меня отправной точкой.

Мне трудно дать этому определение; это должно быть пережито. Нет 'лучшего' или 'более высокого' образа мышления, все они разные, но не в такой степени, чтобы быть уникальными или свойственными только одному человеку. Я всегда верил в разнообразие потоков внутри духовной жизни человечества. Но я не мог найти свой собственный поток, т.е. людей, принадлежащих к нему. Был только один человек, стоявший к этому очень близко, но несмотря на десятилетие наших очень близких отношений, я всё ещё не могу подтвердить это. Объясняется это двумя причинами. Он был тем, кто познакомил меня с антропософией, и из-за моей незрелости в то время между нами, во всё время наших отношений, существовала антропософская дистанция. С другой стороны, наши человеческие и духовные отношения были настолько близкими, что было практически невозможно найти что-либо, что разделяло нас.

В поисках принадлежащих к 'моему потоку' я опирался на очень важный в человеческих отношениях, фактор который я называю 'узнаванием'. Это происходит, когда встретив незнакомого человека, лично или через написанное им, ты узнаёшь в его словах что-то настолько важное, актуальное и близкое тебе, что у тебя моментально возникает желание вступить с ним в контакт. У меня в жизни было несколько таких 'узнаваний', в обоих направлениях, но все они касались других аспектов жизни, а не 'моего потока'. Поэтому мой вопрос остаётся таким же острым для меня по сегодняшний день: является он плодом

моего воображения или реальностью, которую мне не дано было пережить в этой жизни?

Свой третий личный фактор я не могу даже назвать вопросом или проблемой, поскольку это ни то, ни другое. Он даже не был вначале частью этой статьи, но внешние обстоятельства побудили меня включить его сюда. Я могу охарактеризовать его как некое внутреннее раздвоение, о существовании которого я знаю и которое ощущаю время от времени, но которое не волнует меня. Вместе с тем, я хотел бы знать, почему оно имеет место и о чём оно мне говорит. Как нечто общее, я могу его назвать 'мышление vs. действия', но не в том смысле, когда некоторые люди имеют тенденцию сначала действовать, а потом задумываться о цели своих поступков. Или же они просто 'не думают', а 'действуют'.

Сфера антропософии является для меня самой подходящей для объяснения этого. Она существует, прежде всего, как комплекс знаний, войдя в который и узнав его, человек может остаться в нём до конца своих дней. Но каким бы волнительными и захватывающими эти знания ни были, для меня этот фактор никогда не был определяющим для их изучения. Для меня первостепенной целью всегда было их практическое применение в жизни, т. е. 'делание дел'. И моё мышление и мысли были направлены на это, а не на дальнейшее расширение 'теоретических знаний', какими бы незаменимыми они ни были для духовного развития. Исключением здесь была "Философия свободы" Штайнера, основа для понимания мышления и лучший инструмент для его развития и применения и для выработки 'чистого мышления'. Я хотел, как говорится, добраться до сути этого, пользуясь различными английскими и русскими переводами, а также, с помощью специалиста, немецким оригиналом (я должен был делать то же самое относительно ряда пассажей в автобиографии Штайнера). Попытки изучать "Философию свободы" коллективно, в группах, ничем мне особенно не помогли. Но руководство тремя различными группами по изучению "Философии", с очень полезными десятилетними интервалами между ними, значительно помогло моему пониманию мышления и способности пользоваться им. Так что изучение "Философии свободы" тоже имело своей целью 'делание дел'.

Таким образом, в пределах антропософии я выработал для себя некий 'modus operandi', в соответствии с которым я читал и изучал различные материалы не из 'любопытства' или даже общего стремления к знаниям, а потому, что моя жизнь подвела меня к тому – я хотел узнать или понять нечто конкретное. Относительно остальных знаний, имеющихся в мире, я использовал, продолжая латынь, 'modus vivendi', точно так же, как большинство людей – ты читаешь и изучаешь то, что находится в сфере твоих интересов и способностей. И именно здесь проявилось моё внутреннее раздвоение. Например, я читаю книгу, философское содержание которой захватывает меня, я ощущаю его 'своим'. Я намереваюсь исследовать данную тему или автора дальше и глубже, но тут я задаю себе вопрос: "А зачем?" Я знаю, что это глупый вопрос для каждого, по-настоящему ищущего знаний, но для меня эти знания должны 'бросить якорь' в какой-либо конкретной 'гавани' вне меня. Даже дискуссия или изучение данного предмета группой индивидуумов является для меня подходящей 'гаванью'. Но как я объяснил выше, невозможность найти людей, принадлежащих к 'моему потоку', делает таким же трудным нахождение такой 'гавани'. Это относится как к антропософским, так и к общим знаниям. Их изучение ведёт к рождению новых мыслей и к новому пониманию, которыми, какими бы они ни были, я очень хотел поделиться с другими, но не находил желающих выслушать и понять меня. А изучать что-либо только для себя? Это не является для меня достаточно сильным побуждением, не является для меня 'деланием дел'.

Мой друг, который, кроме всего прочего, всю жизнь изучал философию и читал лекции по ней и о разных философах, сказал мне на днях, что скоро

должна выйти его книга, в основе которой лежат его лекции об основных мировых философах, от Платона до Мартина Бубера. Я был в восторге – и за него, и за его потенциальных читателей, включая себя. Я знаю, что для меня это будет захватывающим чтением, как было бы захватывающим изучение этих философов много лет назад, когда у меня происходили встречи с некоторыми из них. Но я не сделал этого в то время: что-то другое привлекло моё внимание и усилия. Возможно, это не было столь возвышенным и стоящим, но я сделал то, что я сделал – ввиду того, что я называю теперь своим 'внутренним раздвоением'. И также теперь я хочу понять его истинную природу, и не содержит ли оно нечто негативное для меня. Если содержит, то принёс ли я его из своей прошлой жизни с целью разрешить в этой, или же оно является новым нежелательным приобретением, которое необходимо будет преодолеть в моей следующей жизни?

Мои последние проблема и вопрос, касающиеся моего антропософского мира, идут в самое его сердце, в место антропософии в мире. Хотя это по-настоящему должно быть постоянной заботой каждого антропософа, в определённом контексте эта проблема возникла для меня, частично, из-за краткости истории Антропософского Движения, и частично благодаря тому факту, что к фактическим событиям были добавлены слова Штайнера. В результате этого возникло несоответствие между тем, что фактически имело место, и тем, что должно было быть. Это несоответствие особенно важно для тех, чья антропософская жизнь и деятельность пришлись на последние три четверти 20-го века, после смерти Штайнера. Согласно ему, два важнейших события должны были произойти в этот период: начиная с середины тридцатых годов и далее появится возможность – и необходимость! – для всё большего числа индивидуумов вступить в сознательный контакт с Христом на духовном уровне; а также к концу века два антропософских потока, Аристотелевский и Платонический, придут вместе на Землю, со Штайнером, с тем, чтобы продвинуть, расширить и углубить антропософскую работу во всех сферах жизни. Ни одно из этих событий не произошло, по крайней мере, не так, как предсказывал Штайнер, и они не были сознательно восприняты и пережиты современниками. Как на это должны реагировать те антропософы, которых это волнует?

С другой стороны, могут возразить, что такое несоответствие содержится в природе вещей, особенно имеющих духовный аспект, который недоступен нам, обычным смертным. Поэтому мы должны принимать вещи такими, какие они есть и как мы понимаем их – и действовать соответствующим образом.

Эта та позиция, которую я занял сам, даже не зная вначале ни о каком несоответствии. Но затем я открыл другое несоответствие, человеческого/антропософского происхождения, которое, соответственно, должно быть разрешено человеком/антропософом. Это несоответствие произошло после смерти Штайнера или, говоря точнее, в результате её, и оно продолжается до сих пор. Оно состоит в различии между тем, чем Антропософское общество фактически стало после ухода Штайнера, и тем, за что антропософы его ложно выдают и что преподносят миру как реальность.

Если бы не было первого несоответствия, т.е. если бы два события состоялись, то второе несоответствие и другие недостатки, ошибки и неудачи Антропософского общества были бы выявлены и исправлены. Но теперь они никуда не делась и, оставленные без внимания, неизбежно продолжают наращаться. Такой я вижу настоящую ситуацию, о которой я достаточно сказал в своей работе **Касательно истории Антропософского Движения**. Но является ли эта ситуация истинной или ложной? – вот мой последний вопрос.